

Сдвиг в значении, основанный на формальном сходстве слов

Борис Норман (Минск)

Синий туман
Похож на обман

(из популярной в 80-е гг. XX в.
песни на слова М. Рябинина)

Две стороны языкового знака и приоритет смысловых связей между словами

Начиная с античных времен противопоставление содержания, смысла, с одной стороны, и материи, формы — с другой, является для науки неизблемым постулатом. В современной лингвистике отношения единства и противоположности двух сторон языкового знака были, как известно, канонизированы Ф. де Соссюром.¹ Основания этих отношений заложены в самой природе человеческого общения: одна сторона языка, а именно план содержания, объемлет всю информацию, которая является предметом коммуникации, а вторая сторона, план выражения, обеспечивает передачу этой информации другому человеку. Но эта взаимная обусловленность двух сторон языкового знака не стирает онтологической пропасти между ними: связь между значением и формой в синхроническом аспекте случайна, произвольна.

Логическим следствием, вытекающим из этого факта, является признание автономности членения плана содержания и плана выражения. Действительно, если анализировать внешнюю сторону речевых сообщений, то она обладает линейной структурой: вы-

¹ Ф. де Соссюр, 1977, *Труды по языкознанию*, Москва, с. 144–45 и др.

сказывания делятся на фразы, такты, слоги, звуки. Что же касается плана содержания, то он по своей природе нелинеен: здесь различают смыслы, значения, семы, образующие многомерные структуры полевого и/или сетевого типа. И понятно, что границы этого двоякого членения не совпадают. Строгости данного деления не мешают ни исключения в виде иконических знаков (звукоподражаний и т.п.), ни появляющиеся время от времени открытия в области фоносемантики.

Та произвольность истинного знака в языке, о которой много писали классики семиотики, начиная с Ч.С. Пирса, со всей очевидностью проявляется в плане синхронии. Но и эволюция каждой из сторон языкового знака происходит автономно, по своим правилам и этапам. Это вполне соответствует закону асимметричного дуализма, открытому С.О. Карцевским. Две стороны знака асимметрично «сползают» по отношению друг к другу: «обозначающее стремится обладать иными функциями, нежели его собственная; обозначаемое стремится к тому, чтобы выразить себя иными средствами, нежели его собственный знак».²

Не было бы необходимости столь подробно останавливаться на известных истинах, если бы речевая практика не демонстрировала на каждом шагу отступления от основополагающей антиномии «план содержания—план выражения».

Может быть, самый яркий повод усомниться в категоричности указанного постулата—это сакральные (канонические) тексты, в которых, как известно, нельзя изменять ни йоты—ибо от этого пострадает смысл. Отсюда легко перекинуть мостик к такой сфере современной жизни, как документ: здесь форма тоже оказывается содержательным условием текста. Достаточно вспомнить такие документные жанры, как акт, доверенность, устав, а особенно—анкету, квитанцию, удостоверение и др., основанные на строго определенном образце (формуляре).

Следующая показательная для нас область—поэтические и вообще художественные тексты. Благодаря работам структуралистов—Р. Якобсона, Ю.М. Лотмана, А.К. Жолковского и др.,—стало

2 С. Карцевский, 1965, «Об асимметричном дуализме лингвистического знака», в кн.: В.А. Звегинцев, *История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях*, часть 2, Москва, с. 85–90; с. 90.

очевидно, что в художественном произведении форма, как бы парадоксально это ни звучало, является частью содержания. (А одна из книг замечательного литературоведа Е.Г. Эткинда так и называлась: «Форма как содержание».)

Наконец, существуют литературные приемы и целые жанры, основанные именно на формальной структуре произведения. Чрезвычайно показательна в этом отношении *анаграмма*, своего рода текст в тексте, вроде того, что представлен в русской загадке: *Что это: туша, у ней уши, а головы нет?* (отгадка: *ушат*). В работе В.Н. Топорова, откуда взят этот пример, показывается, что в форме произведения может быть зашифрован дополнительный смысл:

Верх (квинтэссенция) смысла соотносится с низом формы, с предельно внешними и случайными ее элементами [...] Но весь смысл и эстетическая ценность анаграммы как раз в том, что она, подобно электрической искре, пробивает эту пустоту между предельно разведенными друг от друга содержанием и формой [...], позволяет осмыслить и те элементы, которые понимаются как лежащие ниже границы, откуда начинается сфера содержания. Анаграмма ищет и формирует (индуцирует) смысл там, где он отсутствует и вообще не предусмотрен структурой языка.³

Если посмотреть на две стороны языкового знака с позиций того, кто им пользуется, то они явно неравноценны. Для обычного человека важно передать смысл, а то, с помощью каких именно средств это будет сделано,—вопрос второстепенный. Поэтому связи между словами в сознании носителя языка устанавливаются прежде всего в плоскости *плана содержания*. Вторая же сторона языка—план выражения—в обычной ситуации не привлекает к себе внимания; она актуализируется в деятельности говорящего и слушающего только в особых случаях—таких, как неправильное (ошибочное или затрудненное) понимание, поэтическая речь и т.п. Основоположник российской нейролингвистики А.Р. Лурия многочисленными фактами подтверждал, что

3 В.Н. Топоров, 1987, «К исследованию анаграмматических структур (анализы)», *Исследования по структуре текста*, отв. ред. Т.В. Цивьян, Москва, с. 193–238; с. 195.

вокруг каждой лексической единицы действительно создается многомерная сеть связей, причем в норме преобладающую роль играют смысловые связи (семантическое поле), тормозящие звуковое сходство, а в патологических или тормозных состояниях заторможенные примитивные (звуковые) связи растормаживаются и уравниваются по своему значению со смысловыми связями.⁴

Эту мысль можно пояснить другой цитатой из той же книги:

Предложенное слово *скрипка* легко вызывает в сознании нормального субъекта представление о мандолине, виолончели, музыкальных инструментах, но вряд ли вызовет образ, соответствующий близкому по звучанию слову *скрепка*.⁵

Магистральная установка всей речевой деятельности человека на «смыслосодержащие» единицы прослеживается и в искусственных условиях нейрофизиологических экспериментов. Доказано, что звуковые (паронимические) связи между словами, типа *доктор—диктор* или тех же *скрипка—скрепка*, проявляются значительно слабее, чем семантические (синонимические и т.п.), типа *доктор—врач* или *скрипка—виолончель*; они же хуже сохраняются во времени. Именно смысловые ассоциации следует, по мнению нейрофизиологов, считать системообразующими при описании механизмов речевой деятельности. Прочитав комментарий к одному из проводившихся экспериментов: «Реакции по созвучию, как правило, относились к категории второсортных: диффузных, примитивных, простых и т.п.»⁶ Задаваясь в связи с этим общим вопросом, какую роль в психической жизни человека играют связи по созвучию, автор склонна была сводить их к «особенностям нервной деятельности поэтически одаренных людей».

4 А.Р. Лурия, 1975, *Основные проблемы нейролингвистики*, Москва, с. 36.

5 Лурия, 1975, с. 153.

6 Т.Н. Ушакова, 1979, *Функциональные структуры второй сигнальной системы: Психофизиологические механизмы внутренней речи*, Москва, с. 46.

Подходящей иллюстрацией к данному тезису могли бы послужить строки из поэмы «Цезариада» современного поэта Юрия Арабова:

Разрезаются груши на пару скрипок.
Распадаются души на пару скрепок [...]⁷

Обрисованную выше картину подтверждает и материал свободных ассоциативных экспериментов, уже давно занявших свое законное место в лингвистике. Вот как пишет Р.М. Фрумкина, исследовавшая психолингвистическими методами систему цветообозначения в русском языке:

Создается впечатление, что единственный вид отношений, которые естественно устанавливаются на множестве слов—ИЦ [имен цвета—Б.Н.] наивными испытуемыми, это отношения сходства по смыслу или тождества смыслов.⁸

Действительно, существующие ассоциативные словари (или «словари ассоциативных норм») разных языков наглядно демонстрируют, что мозг человека подыскивает слову «соседей» или «партнеров» преимущественно по смыслу. Основная масса словесных реакций легко укладывается в стандартные рубрики «словообразовательных», «парадигматических», «синтагматических», «тематических», «цитатных» ассоциаций.⁹ По сути, это всё реакции, ориентированные на смысл; их стереотипность подтверждается статистически.

В частности, «Словарь ассоциативных норм русского языка» фиксирует на слово-стимул ТРУД в качестве самых частых ответов *работа, трудиться, почетный, тяжелый, безделье, отдых, созидание, человека* и т.п., на стимул СЛАВА—ответы *громкая, героям, КПСС, герой, почет, честь, орден, труду, мировая, павшим, щес-*

7 Здесь и далее выделение в цитатах мое,—Б.Н.

8 Р.М. Фрумкина, 1984, *Цвет, смысл, сходство: Аспекты психолингвистического анализа*, Москва, с. 31.

9 См.: А.П. Клименко, 1974, *Лексическая системность и ее психолингвистическое изучение*, Минск, с. 49–51 и др. Подробнее о классификациях типов ассоциаций см.: Ю.Е. Ульянов, 1999, *Психолингвистика* (с приложением латышского и русского ассоциативных словарей), Рига, с. 45–78.

лавие и т.п.; на стимул ФОРМА—*содержание, школьная, военная, слова, одежды, предмета, военный, круг* и т.п.¹⁰

Однако симптоматично, что наряду с этими «семантическими» реакциями, исследователям приходится выделять в полученном материале также группу формальных (звуковых или буквенных) ассоциаций. В частности, на тот же стимул ТРУД испытуемые дают ответы *груда, труба, туда, страх...*; на стимул СЛАВА—*слабый, сладкое, слово, Владислав...*; на стимул ФОРМА—*норма, форум, форточка, формула...* и т.п. (все примеры—из того же источника). Подобные формальные реакции явно уступают по частоте реакциям семантическим; в сравнении с ними они носят единичный характер. При этом надо еще отдавать себе отчет в том, что в сознании носителя языка формальные и семантические стимулы реально взаимодействуют, нередко складываясь как векторы в одном направлении. Скажем, ассоциация ТРУД—*страх* может быть вызвана фонетическим подобием двух слов (односложность и общее звукосочетание [тр]), а может иметь содержательную мотивировку: «мысль о труде вызывает у кого-то страх» и т.п. Другое обстоятельство, усложняющее интерпретацию психолингвистических экспериментов,—то, что ассоциации могут выстраиваться в мозгу испытуемого в цепочку, содержащую как «семантические», так и «формальные» звенья.

И все же связи между словами, обусловленные формальным сходством, так или иначе обнаруживают себя. Следует ли считать, что в этих случаях перед нами—проявления «затемненности» или даже «патологичности» сознания? Скорее, на наш взгляд, есть основания говорить о периферийности или маргинальности таких ассоциаций. Например, А.А. Залевская, обобщая результаты своих психолингвистических наблюдений, прямо пишет: «Связи между словами могут актуализироваться раздельно по линии формы или по линии значения; основаниями для связи могут быть звуковые, графические, грамматические и семантические признаки слов [...]».¹¹

10 А.А. Леонтьев, ред. 1977, *Словарь ассоциативных норм русского языка*, Москва.

11 А.А. Залевская, 1990, *Слово в лексиконе человека: Психолингвистическое исследование*, Воронеж, с. 85.

Паронимия—объект стилистики или психолингвистики?

Сложность взаимоотношений между формальным и смысловым факторами, обнаруживающаяся в процессе функционирования слова, требует уделить особое внимание проблеме *паронимии*. Паронимы— слова, сходные по форме и в силу этого смешиваемые в речевой деятельности. В более узком понимании это подобные по звучанию, но не тождественные по значению однокорневые слова, относящиеся к одной части речи. Поскольку паронимы расцениваются как типичные ошибки, вызванные недостатком языковой компетенции у говорящего, то они составляют объект стилистики, и с этим трудно спорить. Но если подходить к ним в плане речевой деятельности, с психолингвистических позиций, то оказывается удобно трактовать паронимию широко—а именно наряду с классическими примерами деривационных расхождений типа *абонент—абонемент, приёмник—преемник* или *лиричный—лирический* рассматривать здесь и примеры случайных схождений, вроде *геенна—гиена, кардинальный—радикальный, будить—будировать, аксакал—саксаул, инцидент—прецедент—претендент* и т.п. Для говорящего существенно не столько общее происхождение каких-то двух слов, сколько синхроническое сходство их плана выражения. Вот типичная ситуация смешения номинаций, представленная в художественном тексте:

И рассказал, как было дело. [...] Мол, заглянул по одному делу в Ерошенковский подвал, там и приключился такой кошмарный *прецедент*.

—*Инцидент*,— механически поправил Эраст Петрович.

(Б. Акунин, «Любовник Смерти»)

Вообще речевая практика дает нам множество примеров обмолвок, обусловленных фонетическим сходством слов.¹² Это дает основания

12 Friedrich Kainz, 1967, *Psychologie der Sprache*, 4-er Band: *Spezielle Sprachpsychologie*, Stuttgart, с. 398–402; Helen Leuninger, 1987, «Das ist wirklich ein dickes Stück: Überlegungen zu einem Sprachproduktionsmodell», *Grammatik und Kognition: Psycholinguistische Untersuchungen*, Hrsg. J. Bayer, Opladen, с. 24–40; Б.Ю. Норман, 1994, *Грамматика говорящего*, Санкт-Петербург, с. 72–73; Б.Ю. Норман, 2003, «Паронимия, метафора или гиперлексема? (К проблеме выбора номинации в современной русской речи)», *Язык и речевая деятельность* 2002, т. 5, Санкт-Петербург, с. 59–66; с. 64.

видеть в паронимии не только своего рода сбой, неисправность в работе речевого механизма, но и закономерное проявление логики в языке: по наивному представлению носителя языка, одной форме должно в идеале соответствовать одно значение. Соответственно, семантическое сближение формально схожих слов призвано «укрепить» лексическую систему! В подтверждение можно привести фразу Ж. Вандриеса, посвященную народной этимологии:

Сознание стремится установить связи во внешней форме слов, часто даже вопреки здравому смыслу. Слабое звуковое сходство данного слова с употребительным или более известным словом ведет за собою сближение, результатом которого являются странные искажения слов.¹³

Заметим, что некоторые русские писатели, например, М. Зощенко, А. Платонов, Л. Петрушевская, В. Пьецух и др., намеренно и активно используют приближительные номинации, особенно при передаче речи персонажей; это становится своего рода авторским приемом. Приведем несколько цитат из рассказов Михаила Зощенко:

Не ходи по церквам, если твое мировоззрение не позволяет. А уж если пришел в храм—веди себя прилично и *не задерживай* ба-тюшку глупыми замечаниями (рассказ «Роза Мария»; здесь *не задерживай*—‘не задевай, не задирай, не дергай’).

[...] Ежели, говорит, вас убивать начнут или, например, из окна кинут при общих семейных неприятностях, то тогда предпринять можно... А так, говорит, ничего особенного у вас не происходит... Все нормально и *досконально*... («Муж»; *досконально*—‘достойно, досточтимо’ и т.п.).

—Я,—говорю,—человек *не освещенный*. Но произошла, говорю, Февральская революция. Это верно. И низвержение царя с царицей. Что же в дальнейшем—опять, повторяю, *не освещен* («Великосветская история»; *не освещенный*—‘не просвещенный, не образованный, не осведомленный’ и т.п.).

13 Ж. Вандриес, 1937, *Язык: Лингвистическое введение в историю*, Москва, с. 172.

«Мать честная, куда ж это меня занесло? Неужели, думает, я в пьяном виде вчера еще куда-нибудь зашел? Ишь ты, кругом какое *разрозненное* хозяйство! Только не понять—чье. Нет, думает, нехорошо так в дым напиваться...» («Землетрясение»; *разрозненное*—‘разрушенное, разбросанное, разваленное’ и т.п.).

Естественно, подобная неточность, приблизительность номинаций несет в художественном тексте особую идейную нагрузку: писателю важно показать сознание человека малообразованного, нахватавшегося только «вершков» культуры, поверхностно усвоившего новую терминологию.

В принципе слова в разной степени подвержены влиянию фактора формального сходства. Лексемы частотные, употребительные, четко мотивированные словообразовательно и насыщенные прагматическими коннотациями, менее зависят от воздействия звуковых или буквенных параллелей. Наиболее уязвимы в данном отношении слова, недостаточно прочно «прописанные» в системе: архаизмы, неологизмы, заимствования, специальные термины и т.п.—то есть слова, плохо (поверхностно) знакомые носителю языка.

Чем более слово удаляется от непосредственных суппозиций, связанных с означаемым, тем более усиливается воздействие на него системных факторов [...] Относительная самостоятельность системных факторов видна прежде всего в усилении влияния на мотивацию формальной стороны, которая нередко и выступает в роли «пускового механизма».¹⁴

Формальные (фонетические и графические) импульсы—чрезвычайно важное условие нормальной речевой деятельности. И не всегда эти словесные связи «смущают», сбивают говорящего с истинного пути, приводя к паронимическим ошибкам. Нередко эти связи, наоборот, помогают человеку в подборе слов для порождаемого высказывания, подсказывают ему тот или иной поворот мысли. Примером может послужить цепочка ассоциаций в следующем тексте—пародии на прозу Константина Паустовского, принадлежащей А. Раскину:

14 Н.Д. Голев, 1989, *Динамический аспект лексической мотивации*, Томск, с. 120.

Я думал о Гарте, о карте, о своей школьной парте, о марте месяце и о Марте-девушке, которая любит этот осенний запах. По привычке я начал думать о Левитане [...].¹⁵

Цепочка *Гарт—карта—парта* и особенно *март—Марта*, вполне правдоподобно отражающая развитие мысли в сознании носителя языка, создает здесь, по сути, основу сюжета. А вот вполне реальные цитаты из публицистических текстов, в которых фонетические корреспонденции оказываются «двигателем» текста.

Нынешние руссоисты [...] настроены весьма апокалиптически, предполагая непобедимую власть природы, представленную в данном случае *генами*. [...] Другие же, сторонники культуры и социума, утверждают, что уж не такие они *крокодилы* эти *гены*, что мы их победим... (еженедельник «Московские новости», 1997, № 14).

Осталось разобраться лишь в паре «мелочей» — правда, государственной важности. Первая—собственно процедура *развода*. [...] Главный «*разводной ключ*» в данном вопросе—общественное мнение, а оно, похоже, склонно войти в положение обеих сторон (журнал «Огонек», 2007, № 43).

Выражение *крокодилы гены* в первой цитате и *разводной ключ* во второй появились как автоматические (не имеющие отношения к смыслу) реакции на слова (соответственно) *ген* и *развод*. Такие формальные «подсказки», как правило, не осознаются говорящим, но то, что они играют огромную роль, особенно при порождении поэтического текста, отрицать невозможно. «Для поэта между фонетикой и семантикой разницы почти нет», — заметил Иосиф Бродский.¹⁶

Полисемия и омонимия под углом зрения речевой деятельности

В сознании носителя языка соотносятся и взаимодействуют не только разные слова со сходным обличем, но и—это еще есте-

15 Б.М. Сарнов, ред. 1988, *Советская литературная пародия*, т. 2: *Проза*, Москва.

16 С. Волков, 1998, *Диалоги с Иосифом Бродским: Литературные биографии*, Москва.

ственной—разные значения (лексемы) в рамках многозначного слова. И наш материал проливает дополнительный свет на проблему омонимии и полисемии, уже неоднократно бывшую предметом научных исследований.¹⁷ А именно: согласно нашей точке зрения, общность формы представляет собой психологическую «крышу», под которой сожительствуют слова-омонимы. Это значит, выражаясь фигурально, что сознанию хочется перенести тождество формы (очевидной и в этом плане первичной) на смысловые отношения и представить омонимы как лексемы в рамках единого слова.

Реальность этих связей обнаруживает себя в тех ситуациях речепроизводства, когда говорящий, оставаясь в границах некоторой формальной общности знаков, «соскальзывает» с одной темы на другую. Естественно, подобные ситуации становятся предметом анекдотов, афоризмов и других малых жанров фольклора. Несколько примеров:

—Девушка, какие у вас красивые волосы! Я бы даже сказал—редкие! Очень редкие волосы... (шутка, основанная на незаметном сползании от лексемы *редкий*₁ 'исключительный, выдающийся' к лексеме *редкий*₂ 'не густой, немногочисленный').

—Дорогие товарищи! Дорогие гости! Дорогие родители! Дорогие дети!... Блин, какое всё стало дорогое! (анекдот, основанный на синтагматической подмене лексемы *дорогой*₁ 'милый, близкий сердцу' лексемой *дорогой*₂ 'стоящий больших денег').

Отправляясь на тот свет, не забудьте выключить этот! (афоризм, принадлежащий В. Ковалю; в основе—окказиональное объединение под одной формальной «крышей» существительных *свет*₁ 'мир' и *свет*₂ 'электричество').

Споры бывают разные. Бывают споры на деньги, на имущество, просто на уважение. Бывают споры сибирской язвы (шутка). Чаще всего, по-моему, споры явно или скрыто носят идиотский характер (газета «Советская Белоруссия», 08.12.2001; языковая

17 М.Г. Арсеньева, Т.В. Строева & А.П. Хазанович, 1966, *Многозначность и омонимия*, Ленинград; Raymond W. Gibbs, Jr. & Teenie Matlock, 1997, «Psycholinguistic Perspectives on Polysemy», *Polysemy in Cognitive Linguistics*, eds. H. Cuyckens & B. Zawada, Amsterdam & Philadelphia, с. 213–39 и др.

игра базируется на столкновении омоформ *споры*₁ ‘дискуссии’ и *споры*₂ ‘микроскопические семена’).

Потребитель имеет право на здоровую окружающую среду. Здоровой считается среда, предшествующая рыбному дню, и территория, расположенная за пределами 30-километровой зоны ЧАЭС («Ва-Банкъ», приложение к газете «Комсомольская правда», 1997, № 10; ЧАЭС здесь—Чернобыльская атомная электростанция; для нас важно, что существительное *среда*₁ в значении ‘окружение’ как бы незаметно «превращается» в *среда*₂ ‘третий день недели’).

Пошел муж за хлебом и через пять минут возвращается. Жена его спрашивает:

— Чего-то ты быстро. Хлеба не завезли?

Муж как-то мнетя. Тогда жена уточняет:

— Ты купил хлеба или нет? Говори как есть.

Муж набирает воздуха и отвечает:

— Никак не есть. Это надо пить! (анекдот из «алкогольной» серии; суть его—в речевом столкновении выражения *как есть* ‘правда, реальное положение дел’ и глагола *есть* ‘поглощать пищу, питаться’).

Приведенные примеры, различающиеся в жанрово-стилистическом отношении, однотипны с точки зрения семиотики: «гипноз формы», тождество плана выражения двух знаков создает иллюзию тождества их плана содержания, которая, впрочем, тут же разрушается.

Намеренное обыгрывание формального сходства слов (парономазия)

Таким образом, получается, что говорящий (и слушающий) в той или иной мере учитывает в своей деятельности особенности формальной стороны речи. И хотя мы вступаем в определенное противоречие с тем, что утверждалось в начале статьи, трудно отрицать, что существуют многообразные проявления формальных ассоциаций между лексемами. Носитель языка не просто ощущает эти связи, но то и дело обыгрывает в речи звуковое или буквенное сходство употребляемых названий, то есть пытается извлечь из него дополнительный эстетический (в частности комический) эффект.

Возвращаясь к словам из популярной песни, вынесенным в эпиграф: «Синий туман похож на обман...», можно теперь спросить: чем же туман похож на обман? Между денотатами (явлением природы и человеческим свойством) в принципе нет ничего общего. Но формальное подобие слов *наводит* некоторое сходство на сами явления, заставляет увидеть в них общность...

В отличие от паронимии, неумышленного и подсознательно-го смещения формально схожих слов, намеренное их сближение или сопоставление в тексте называют *парономазией*. Приведем несколько примеров применения этого приема в художественной литературе.

—Пожалуйста, папа, не кипятись,—сказал Ван.—Природа, о чем я тебе уже докладывал, оказалась ко мне добра. Нам не о чем заботиться во всех смыслах этого слова.

—Меня не волнует *семантика*—или *осеменение*. Важно одно и только одно. Еще не слишком поздно прервать эту грязную связь... (В. Набоков, «Ада, или радости страсти»; речь в отрывке идет о нежелательной беременности).

В объятиях Сальвадора она нашла простоту и легкость, и они были так очаровательны после недавней путаницы и сложности. Она еще не подозревала, что *простота* вырождается в *пустоту*, а под *легкостью* скрывается *легкомыслие* (М. Слоним, «Три любви Достоевского»).

—Во что же еще верить...—кивает пораженный Харитоныч.—Женское сердце зрячее.

—*Зряшное!*—рассердился Иван Модестович (А. Битов, «Заповедник»).

Минаева ушла. [...] Оставила на краешке стола *конверт*.

Но для того чтобы одаривать других, надо получать самому, и Иван смирился с «*конвертируемыми* рублями» (В. Токарева, «Хэппи-энд»).

Татьяна. Правда, познакомь! А то у меня Валера вон давно от водки чуть не *атрофировался*. А на что мне его *трофеи*? (Л. Петрушевская, «Три девушки в голубом»).

Во всех приведенных случаях (*семантика—осеменение, простота—пустота, легкость—легкомыслие, зрячий—зряшный, конверт—конвертируемый, атрофироваться—трофей*) мы видим, что говорящий охотно использует в своей речевой деятельности формальные «подсказки», которые предлагает ему языковая система. Причем можно согласиться с тем, что «сила эффекта прямо пропорциональна семантической дистанции [между словами—Б.Н.] и обратно пропорциональна степени фонетического расхождения».¹⁸

Действительно, в сознании обычного человека представлено огромное количество фонетических (и буквенных) ассоциаций между словами, типа *ехидна* и *ехидный*, *доблесть* и *блестеть*, *присяжный* и *приседать*, *валуй* и *валиться*, *хохма* и *хохот*, *насморк* и (*пойти*) *насмарку*, *щуплый* и *щупать*, *пряник* и *пряный*, *прыть* и *прыгать*, *май* и *маяться* и т.п. Но связаны ли эти лексемы еще и по смыслу? Объединяет ли их общее происхождение?

Конечно, филолог различит, в каких случаях перед нами исторически родственные слова, а в каких—результат ложноэтимологических сближений, или ремотивационных процессов.¹⁹ Однако рядового носителя русского языка вопрос о том, связаны ли между собой сходные слова по происхождению или по смыслу, не интересует. Если действительно спросить человека об этом, то ответом очень часто будет пожимание плечами или неуверенное «Может быть...» (среди студентов встречались и такие забавные реакции: «А как надо? А как правильно?»). И дело не в том, что носителю языка не хватает для квалифицированного ответа специальных знаний,—просто данный вопрос для него *не существует*. Достаточно, что сходные слова каким-то образом между собой семантически соотносятся, и всё, а при необходимости эта связь может быть легко активирована и мотивирована!

Семантические сдвиги в сфере жаргонов

Подтверждение сказанному мы находим в сегодняшней речевой практике, когда фонетического сходства между двумя словами оказывается достаточно для появления у одного из них принципиаль-

18 Ivan Fónagy, 2001, *Languages Within Language: An Evolutive Approach*, Amsterdam & Philadelphia, с. 282.

19 Голев, 1989, с. 108–22.

но нового, «чужого» для него значения. Основной средой распространения таких семантических сдвигов являются *жаргоны*—уголовный, молодежный, артистический, военный и др.

Ничего удивительного в этом, собственно говоря, нет. Жаргоны по многим признакам находятся в оппозиции к иным функциональным разновидностям общенародного языка. Здесь фактически отсутствует «своя», особая грамматика, здесь при очевидной тематической узости словаря много «странных», необычных заимствований (в частности, в русском жаргоне—из цыганского, идиш и т.п.). По заключению Д.С. Лихачева, в воровском аргю, дающем «редкий образец совершенно не стабилизированной и диффузной семантики»,²⁰ наблюдается «семантическая слабость и неустойчивость отдельных слов при относительной устойчивости «метафорической» интерпретации окружающего мира».²¹

Получается, что и развитие плана содержания лексемы в жаргоне протекает зачастую вразрез с законами, действующими в литературном языке.²² А точнее говоря, достаточным основанием для семантического переноса оказывается здесь формальное сходство с другим словом. Причем это свойство можно считать исконным или, во всяком случае, очень устойчивым для жаргона. Вот какой комментарий мы находим к жаргонизму *гришка* 'десять копеек' в знаменитом словаре В.Ф. Трахтенберга (1908)—одном из первых собраний русской «блатной музыки»:

Определение той или другой суммы денег известным названием составилось на тюремном жаргоне большей частью путем созвучия этого слова со словом, употребляемым в «*ветошном*» мире. Так, «*гришка*» представляет собой известное созвучие «гривенника», «*петух*»—«пятерки», т.е. пяти рублей, «*карась*»—«красной», т.е. десятирублевого кредитного билета и т.д.²³

20 Д.С. Лихачев, 1992, «Черты первобытного примитивизма воровской речи», *Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона: Речевой и графический портрет советской тюрьмы*, сост. Д.С. Балдаев и др. Москва, с. 354–98; с. 370.

21 Лихачев, 1992, с. 373.

22 Ср.: Р.И. Розина, 2002, «Категориальный сдвиг актантов в семантической деривации», *Вопросы языкознания* 2, с. 3–15; с. 14.

23 В.Ф. Трахтенберг, 2002, *Блатная музыка («Жаргон» тюрьмы)*, под ред. и с предисловием И.А. Бодуэна де Куртенэ, hrsg. und mit einer Bibliographie von H. Walter, Greifswald, с. 14.

В изобилии мы находим аналогичные случаи переноса значения в современных собраниях жаргонов. Приведем примеры из «Большого словаря русского жаргона»: *индюк*—индеец, *камерунец*—член молодежной группировки города Кемерово, *кирза*—сумасшедший дом (через *креза*, от англ. *crazy*), *контрабас*—контрабандный товар, *крем*—Кремль, *лимон*—миллион (рублей), *мотоцикл*—циклодол, *нарком*—наркоман, *полька*—полевая сумка, *самопальный*—самодельный, изготовленный кустарно, *сухарь*—сухое вино, *трепанация*—трёп, болтовня, *удочка*—тройка, оценка «удовлетворительно», *фикус*—навязчивая идея, идефикс, *финик*—финн, *шампунь*—шампанское, *шпора*—шпартгалка и т.п.²⁴

Подобные наименования успешно обслуживают две важнейшие функции жаргонов: корпоративную («Говори так, чтобы тебя признали своим») и криптонимическую («Говори так, чтобы чужие тебя не поняли»). И хотя данный способ создания новых номинаций относительно прост, он может содержать в себе и возможность дополнительных ассоциаций и коннотаций, элемент языковой игры.

В новейшее время опора на формальные связи оказалась особенно актуальна для компьютерного жаргона; многие наименования в нем как бы отсылают нас к другим, формально близким и семантически более знакомым словам. В значительной степени это объясняется необходимостью «освоения» большого количества англоязычных заимствований. Приведем примеры из составленного Д. Садошенко и распространяемого через HomeNet «Словаря компьютерного сленга»: *батон* ‘кнопка, клавиша’, от англ. *button* с тем же значением, *вакса* ‘компьютер серии VAX’, *девица* от англ. *device* ‘устройство’, *каша* ‘кэш-память’, от англ. *cache memory*, *кутать* ‘резать, разрезать’, от англ. *cut* с тем же значением, *пасквиль* ‘язык программирования Pascal’, *пентюх* ‘процессор Pentium’, *пися*, то же *псих*, ‘персональный компьютер’, от англ. *PC* (пи-си), *профессор* ‘процессор’, *рама* ‘память RAM’, *самовар*, то же *шаровары*, ‘программное обеспечение’, от англ. *shareware*, *скалить* ‘выполнять команду *scale* «масштабировать»’, *сырцы* ‘исходные коды’, от англ. *sources* ‘источники’, *энурыз* ‘команда «не стирать»’, от англ. *unerase*, *полотёр* ‘плоттер (графопостроитель)’, и т.п.

24 В.М. Мокиенко & Т.Г. Никитина, 2000, *Большой словарь русского жаргона*, Санкт-Петербург.

Соответственно, к двум уже указанным функциям—корпоративной и криптонимической (последняя в данном случае менее важна)—в компьютерных жаргонизмах прибавляется третья, мотивирующая: чужое слово как бы разъясняется, вводится через свое. Естественно, «мотивировка» для терминов придумывается ложная, искусственная, но зато она несет в себе явный элемент языковой игры (обеспечивающей дополнительный эстетический эффект). Причем, в отличие от так называемой народной, или ложной, этимологии,

прием ассоциативно-фонетической мимикрии отражает сознательное искажение, языковую игру, первопричиной которой является «протестное речевое поведение» и его позднее порождение—*стёб*: отторжение нормы, сопровождаемое юмором, насмешкой, эпатированием приверженцев чистоты языка. Для достижения этих традиционных целей более всего годятся неожиданные ассоциации, «сопоставление несопоставимого», приводящее к максимальному эффекту, который внешне кажется обратным остранению.²⁵

Похоже, что путь развития семантики с «опорой на форму» оказывается неслучайным и должен занять свое место в общей типологии наименования. В частности, А.Ф. Журавлев различает кроме «нормальных номинаций» и «мутаций», также «искусственные» и «патологические» номинации. Примеры типа *шпора* 'шпаргалка' он относит как раз к «искусственным» номинациям: перед нами

[...] экспрессивная замена существующего названия какого-либо предмета другим реальным словом, фонетически близким заменяемому, но не имеющим с ним общности в значении. Этот способ вторичной номинации обнаруживает относительную активность в корпоративно-арготических языковых подсистемах [...]²⁶

25 В.В. Химик, 2000, *Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен*, Санкт-Петербург, с. 85.

26 А.Ф. Журавлев, 1982, «Технические возможности русского языка в области предметной номинации», *Способы номинации в современном русском языке*, отв. ред. Д.Н. Шмелев, Москва, с. 45–109; с. 67.

В другом месте автор специально подчеркивает, что «существенным фактором в сознательном нарушении нормы в словопроизводственном процессе является установка на экспрессию».²⁷

Таким образом, в нон-стандарте (под этим не вполне русифицированным термином нами понимается вся совокупность жаргонно-просторечной сферы) отношения между формой и значением слова в их развитии оказываются не совсем такими, как в литературном языке. Возможно, всё дело здесь в особой функциональной нагрузке нон-стандарта? Может быть, именно корпоративная и эстетическая функции, проецируемые на определенный состав участников речевого акта и условия его протекания («установка на экспрессию»), позволяют то и дело нарушать незыблемую, казалось бы, границу между планом содержания и планом выражения языковой единицы?

Однако семантический сдвиг, основанный на формальном сходстве, наблюдается не только в направлении от литературного слова к жаргонизму, но и в обратном направлении, от жаргонизма к литературному стандарту. Примером может послужить слово *беспредел*, пришедшее в широкий обиход из тюремно-лагерного лексикона. Там оно значит 'тотальное беззаконие и жестокость (в местах лишения свободы)'. Однако, расширив сферу своего употребления, слово тут же отошло от своего первоначального значения и стало восприниматься в прямой связи со своей внутренней формой (*беспредел* = без предела). Свидетельства тому — рекламные интернет-контексты типа: *Почтовый беспредел: неограниченный почтовый ящик; Диетический беспредел — диета без ограничений; Ментальный беспредел... Готов стереть свои ментальные границы?*²⁸ Семантический сдвиг здесь основан не просто на соотнесении формы слова с другим словом, но на ее «буквальном» прочтении, этимологизации. По-видимому, общим и глобальным для всех подобных случаев является эстетический эффект «остранения» слова, достигаемый употреблением его в необычном значении.

27 Журавлев, 1982, с. 48.

28 Все примеры — из: Ludmila Stěpanova, 2008, «Наблюдения над языком современных российских газет», *Česká slavistika 2008*, eds. I. Pospíšil & M. Zelenka, Brno & Praha, с. 267–75; с. 269.

Вхождение жаргонизмов в широкий обиход представляет собой одну из многократно отмечавшихся доминант развития русского языка на современном этапе. В том числе получают широкое распространение и жаргонизмы, основанные на формальном сходстве с другими словами. Среди новейших примеров: *фанера* 'фонограмма', *устаканиться* 'устояться, установиться', *безбашенный* 'бесшабашный, несдержанный', *дальнобойщик* 'водитель, перевозящий грузы на дальние расстояния', *окучивать* 'обхаживать', *стопудово* 'стопроцентно', *жесть* 'жестокость, жесткость, крутизна' и др. В письменных текстах они уже обычно употребляются без кавычек, в расчете на общеизвестность, ср. цитаты:

[...] Старший сын как жил, так и живет у жены, снова пьет, ничего не боясь, но уже там, вдали; казалось бы, все, как говорится, *устаканилось* (Л. Петрушевская. «Маленькая Грозная»).

— [...] Луис поет *под фанеру*, усекла?

Я с трудом пыталась сориентироваться.

— Под фанеру? В каком смысле? На ней играют? А как?

Крюков закатил глаза:

— Романова, ты что, пролежала всю жизнь в нафталине? Не знать про фанеру! С ума сойти. Фанера — это запись. Луис только бегаёт по сцене, приплясывает и разевает рот (Д. Донцова. «Нощпа на троих»).

А то приезжают тут всякие с периферии и ради московской прописки начинают *окучивать* зеленую молодежь! (В. Пьецух. «Новая московская философия»).

Окказиональные номинации в публицистических текстах

Приблизительные номинации, основанные на формальном сходстве, активно вторгаются и на страницы газет и журналов. Причем особенностью публицистических текстов является то, что здесь используется огромное количество разовых, *оказиональных названий*. Часто они оформляются кавычками, но нередко пишущий, рассчитывая на догадливость читателя, помогает ему только контекстуальными подсказками. Примеры:

Он не должен был играть роль первого советского режиссера, как Товстоногов, соответствовать образу официально утвержденного диссидента, который навязали Любимову. Он не должен был ставить «датских» спектаклей к революционным и партийным праздникам... (газета «Московские новости», 1995, № 39; здесь *датский* — ‘приуроченный к праздничным датам’).

Необходимость такого закона назрела давно. Вслед за массовой «мобилизацией» населения в России произошел и взрыв связанного с ней уличного криминала (газета «Труд», 19.06.2008; здесь *мобилизация* — ‘распространение мобильной телефонной связи’).

Но вряд ли надо отказываться от возможностей, которые клонирование открывает в борьбе с неизлечимыми недугами и другими бедами. Как и в других случаях, сначала «уклонизм» будет доступен лишь самым богатым. Затем новым методом станет пользоваться средний класс, наконец, и мы с вами (журнал «Огонек», 1997, № 10; здесь *уклонизм* — ‘клонирование’).

Со страниц некогда популярного интернет-издания вылетела первая после победы Торолопова и пока осторожная «утка»... Вероятно, «утконосы» сами далеко не уверены и в достоверности слуха, и в том, что на него не последует отповедь («Независимая газета», 27.12.2001; здесь *утконосы* — ‘журналисты, создавшие газетную утку’).

[...] Высокие договаривающиеся стороны [...] в силу разных причин не спешили с обменом ратификационными грамотами. Рады сообщить всем заинтересованным читателям, что «*грамотный обмен*» наконец-то состоялся и названный договор уже два месяца работает (газета «Труд», 31.05.2007; здесь *грамотный обмен* — ‘обмен грамотами’).

Иракский журналист на пресс-конференции запустил в Джорджа Буша ботинками. Президент США успел пригнуться, так что критика получилась мимолетной (газета «Комсомольская правда в Белоруссии», 18.12.2008; здесь *мимолетний* — ‘пролетевший мимо’).

Той же тенденции «семантизации формы» оказались подвержены устойчивые словосочетания. Это значит—фразеологизм в определенных условиях может утрачивать свою идиоматичность и приобретать новое значение, основанное на формальных ассоциациях своих компонентов. Фактически это «буквализация» значения фразеологизма.

Так, устойчивое выражение *серое вещество* давно уже употребляется в русском языке со значением 'мозг'. Но благодаря тому, что в сознании носителя языка оно не порывает связей со словами *серый* и *вещество*, становится возможно его употребление в переносном значении, например, 'цемент':

Однако, несмотря на все усилия предотвратить утечку «*серого вещества*» за рубеж, его все равно может не хватить. Так, к 2011 г. правительство планирует удвоить выпуск цемента, но вместе с этим будет строиться больше домов («Белгазета», 2008, № 17).

А выражение *быть на сносях* 'находиться в состоянии беременности' благодаря формальной связи с глаголом *сносить* попадает в совершенно не свойственный ему контекст. Заголовок в еженедельнике «Аргументы и факты» (2005, № 30) гласит: «Дачи—на „сносях“»; речь идет о попытках снести дачные поселки, незаконно возведенные в Подмосковье.

Как объяснить распространение в публицистике таких приблизительных, неточных названий?

Самый простой способ—упрекнуть журналистов в речевой небрежности. Вместо того чтобы подыскивать точное название, пишущий хватается за первое попавшееся созвучное (в том числе однокоренное) слово. За этим можно усмотреть некоторое и пренебрежение к читателю, и апелляцию к эстетическим ценностям сегодняшних масс-медиа, коим важнее эмоционально возбудить читателя, чем сообщить ему точную информацию.

Можно попробовать журналиста и оправдать. Не всегда язык предлагает говорящему готовую и удобную форму выражения мысли. В частности, отсутствие в русском языке прилагательных, образованных от слов *дата* или *грамота* (в значении 'документ') заставляет пишущего прибегать к «чужим», сходным по форме названиям

датский и *грамотный*. Не случайно среди приблизительных номинаций есть свои излюбленные словообразовательные типы. Можно утверждать, например, что по-своему предрасположены к использованию в приблизительных наименованиях сложные слова. В нашем материале (публицистические тексты и устная речь) встретились такие названия, как: *тяжеловес*—‘музыкант, играющий тяжелый рок’; *молотобоец*—‘метатель молота’; *вечнозеленый*—‘вечный’; *плоскодонный*—‘плоский’; *красноармеец*—‘обладатель «красного» диплома’; *разнотравье*—‘разнообразие’; *новобранцы*—‘новопринятые члены Европейского Союза’; *рогоносец*—‘обладающий чем-то вроде рогов’ (о троллейбусе) и др.

Третье возможное объяснение более сложно. Можно считать, что пишущий рассчитывает на грамотного и просвещенного читателя, в совершенстве владеющего русским языком. Предлагая адресату неточную номинацию, журналист как бы втягивает его в своего рода языковую игру: «Пойми сам, что я хотел сказать!» Благодаря такому доверию со стороны пишущего, читатель становится в каком-то смысле соавтором получаемого текста и испытывает от этого эстетическое удовлетворение. Перед нами довольно специфическая разновидность языковой игры.

Языковая игра в рекламе, основанная на формальном сходстве слов
Правомерность последней версии подтверждается распространением указанной тенденции еще в одной коммуникативной сфере—сфере рекламы. В рекламных проспектах, слоганах, названиях фирм и торговых марках очень часто используются формальные отсылки к другим словам и выражениям. Иногда эти аллюзии семантически как-то оправданны, иногда совершенно случайны. Приведем примеры.

В Москве существует фирма, торгующая бакалеей, в том числе чаем и кофе. Ее название—«Чайкоффский»—как бы случайно совпадает в звучании с именем великого композитора, но эта словесная игра, по-видимому, эстетически выгодна, а, может быть, и экономически просчитана.

В Санкт-Петербурге существует сеть книжных магазинов клубного типа «Буквоед». Они открыты круглосуточно, в них можно и отдохнуть, почитать книгу, перекусить и выпить чашечку кофе...

В прямом значении *буквоед* означает 'формалист, зануда', и это довольно обидная, негативно окрашенная номинация, но название магазина обязано собой, очевидно, формальной ассоциации со словами *буква* и *есть, едок*.

В Екатеринбурге студенческая газета Уральского государственного университета называется «Студень». Разумеется, никакой смысловой связи с названием блюда *студень* здесь нет, газета названа так по случайному созвучию со словом *студент*.

В Минске ателье по пошиву брюк носит название «У Швейка». Гашековский герой, как известно, никакими портновскими способностями не отличался, но созвучие имени *Швейк* и слов *швея, швейный* «сработало» надежно.

В Республике Беларусь есть город Молодечно; прилагательное от этого топонима будет *молодеченский*. Но продукция Молодеченской птицефабрики имеет официальное название *яйца молодечские*. Игра, основанная на созвучии *молодеченский*—*молодецкий* (последнее прилагательное—от *молодец*), нацелена на дополнительный рекламный эффект.

Некоторые теоретические обобщения

Как уже отмечалось, предпосылкой и фоном для описанной экспансии образных номинаций явились жаргон с его особыми функциями и паронимазия как своего рода двигатель текста. Если же брать шире, то приведенные факты, как нам кажется, свидетельствуют о том, что эпоха постмодерна вносит определенные «поправки» в языковую конвенцию, принятую носителями языка. В частности, нарушается постулат тождественности знака самому себе. Примат содержательной стороны языка оказывается не столь безусловным, как это представлялось ранее. Форма знака через сходство с другими знаками влияет на его содержание. Эта тенденция к «семантическому сдвигу на формальной основе» или, проще говоря, к семантизации формы, расширяет в последнее время сферу своего воздействия. Через публицистику и рекламу она проникает в сознание массового носителя русского языка.

Можно утверждать, что если тексту придаются дополнительные функции (эстетическая, фатическая, корпоративная, криптонимическая), то это способно изменить природу языкового знака. Его

внешние границы становятся менее строгими, а внутренний водораздел между планом содержания и планом выражения—более «проницабельным». Иными словами, в некоторых социолингвистических условиях языковой знак становится более «гибким» или «мягким», предоставляя относительную свободу варьирования двум своим сторонам: плану содержания и плану выражения.

Отметим, что мы рассматривали только массовые и типичные случаи функционирования русского языка на современном этапе. За пределами нашего внимания остаются проблемы взаимосвязи формы и значения в особых ситуациях: на этапе онтогенеза, при изучении языка иностранцами и т.п. Проблема тождества языкового знака занимает автора в течение последних лет; соотношению формы и значения посвящен ряд его публикаций.²⁹ Но каждый раз проблема оказывается сложнее, чем это представлялось ранее, и, поворачиваясь какой-то своей новой стороной, ставит перед исследователями новые вопросы. Феномен, который определяется нами как семантизация формы, является многоаспектным и многофакторным, он уходит своими корнями в природу человеческой коммуникации.

29 Норман, 2003; Б.Ю. Норман, 2008, «Еще раз о семантизации формальных связей между словами», *Креативная языковая личность в этносоциокультурном и прагмалингвистическом контексте: Материалы Международной научной конференции «Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива»*, 24–26 апреля 2008 г., отв. ред. Т.А. Гридина, Екатеринбург, с. 227–42; Б.Ю. Норман, 2008, «Формальное сходство слов как основа для их семантического сближения (к развитию переносных значений в нон-стандарте)», *Standardisierung und Destandardisierung: (De)Standardisierungsphänomene im Russischen und Tschechischen: Beiträge des gleichnamigen Kolloquiums vom 22. Juni 2007 am Institut für Slavistik der Friedrich-Schiller-Universität Jena*, Hrsg. J. van Leeuwen-Turnovcová et al. (Specimina Philologiae Slavicae 148), München, с. 127–47.